©ПАЛІТЫЧНАЯ СФЕРА
ISSN 1819-3625 №24 (1), 2016

Ольга Цадко

Полесье и опыт национального конструирования (1988–1995)

В конце XX века национализм и проблемы этнического самоопределения становятся все более актуальными. В Восточной Европе в конце 1980-х годов с видимым опозданием проявила себя тенденция появления и активизации этнических и региональных движений. В данном политическом контексте и зародилась политическая концепция Полесья как самостоятельного этнического региона.

Предметом данной статьи является изучение способов конструирования идентичности населения Западного Полесья на примере деятельности общественно-культурного объединения «Полісьсе» в период с 1988 по 1995 год. На примере идеологической деятельности ОКО «Полісье» в 1980–1990-х годах можно проследить способы конструирования этнической идентичности, а также проанализировать предпосылки возникновения проекта западнополесской автономии, как и потенциал созданного этнополитического мифа.

Идеи национализма, получившие столь сильное развитие в XX веке, являются продуктом модернизации в процессах взаимодействия политики и культуры. Нация является результатом этих процессов, проектом, разработанным в кругах интеллектуалов, направленным на достижения определенных целей. В данной статье теоретические вопросы, связанные с идеями национализма и нации, рассмотрены в ракурсе концепции Эрнеста Геллнера (2002) и теории «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона (Anderson, 1991), а также исследований Мэтью Левингера и Паулы Литл (Levinger and Lytle, 2001), Энтони Смита (Smith, 1986), Мирослава Гроха (2002) и др.

Деятельность ОКО «Полісье» рассматривается как национальный проект, в котором население Западного Полесья[1] по языковому и культурному признаку позиционировалось как отличная от беларусов, украинцев, поляков этническая группа. Целью объединения являлось признание жителей данной территории – ятвяг – национальным меньшинством и обретение автономии. Ятвяги в данном контексте – это местные жители – автохтоны, проживавшие на территории Западного Полесья.

На сегодняшний день исследование идеологической деятельности ОКО «Полісье» представлены в статьях Андрея Дынько (2000) и Кирилла Шевченко (2008). Павел Терешкович длительное время занимался проблемами полесского регионализма, в том

[1] См. карту ниже.

числе «ятвяжской» теорией (Терешкович, 1994, 1997, 2004). Однако основной акцент при изучении мифологического конструирования концепции национального движения в ходе работы был поставлен на изучение периодики ОКО «Полісье»: «Збудінне» и «Балесы Полісься».

Наличие отличных культурных особенностей, языковой специфики и исторического опыта само по себе не может сформировать ни устойчивую идентичность этнической группы, ни нацию. Для активизации процессов создания нации необходимо непосредственное участие интеллектуальных элит, которые не только создают культурную концепцию идентичности этноса, но и организуют деятельность, способствующую поднятию массового национального самосознания. Полесская общность, обладая историческими культурными предпосылками, не смогла сформировать устойчивую этническую идентичность. Но следует отметить наличие языковых и культурных отличий, которые еще в XIX веке были признаны многими польскими и российскими исследователями. Издание «Лемантара»[2] в 1906 году рассматривается некоторыми исследователями как проявление просветительской деятельности полешуков, направленной против украинской национальной идеи (Wasilewski, 1917). А в 1903 году на конференции российских социалистов-федералистов выдвигалось предложение считать земли на юг от Припяти не принадлежащими ни Беларуси, ни Украине (Міхалюк, 2011: 333).

Не случайно, что полесское национальное движение стало явлением конца XX века, так как это время характеризовалось активацией процессов этнической конкуренции, что говорит об условности некогда обозначенных этнических категорий социалистических стран.

Попытки преобразования полесской культуры в национальную идею начали предприниматься на закате коммунистического режима во времена социальных и экономических изменений. Виктор Шнирельман (2000) отмечает, что необходимость в этногенетическом мифе возникает в условиях кризиса. В 1980-х годах XX века возникает группа интеллектуалов под руководством филолога Николая Шеляговича, которая создает в 1988 году общественно-культурное объединение «Полісьсе». Его целью являлась национальная и культурная автономия Западного Полесья, обусловленная правом *«национального хозяина»* (Зворит…, 1989: 1). Свою деятельность участники общества характеризовали следующим образом: *«Деятельность ОКО “Полісьсе” основывается на серьезной научной базе, созданной работой ученых и западнополесской (ятвяжской) конференцией 1990 года, которые обоснованно доказывают тот, в общем-то, очевидный постулат о самостоятельности полешуцкого народа как этнической ценности, о беспричинности его отнесения то ли к бело-*

[2] О самом издании практически ничего не известно, ссылки на него можно найти только у Василевского (Wasilewski, 1917: 101), и некоторых более поздних публикациях, которые, скорее всего, дублируют сведения Василевского.

русскому, то ли к украинскому, а уж тем более произвольного разделения» (“Поліська ыдія”, 1990: 1).

Данная организация на этапе своего возникновения вызвала большой интерес в рядах минской и брестской интеллигенции. К своей деятельности «Полісье» привлекло многих известных ученых, исследователей, филологов и историков, писателей и поэтов, среди которых были: Александр Лукашук, на то время корреспондент республиканской партийной газеты «Звезда», писатель и редактор Александр Трушко, поэт Николай Минзер, профессор Минского университета культуры Лев Козлов, первый проректор Луцкого государственного университета Виктор Давыдюк, проректор Брестского государственного университета Владимир Мелишкевич, журналист Валерий Калиновский, декан Белорусской академии искусств Владимир Мещенчук, профессор, доктор философских наук, сотрудник НАН Беларуси Георгий Антонюк и многие другие (Ятвяжско-Прусское Возрождение…, 2010).

Объединение способствовало активному развитию полесского литературного творчества, изданию книг на западнополесских диалектах. В 1989–1995-х годах печаталась газета «Збудінне», проводились конференции, фестивали. ОКО «Полісьсе» во главе с Н. Шеляговичем начало принимать активное участие в политической деятельности, в организации политических партий: Народное движение Беларуси и Партия всебелорусского единства и согласия. Н. Шелягович также пытался выдвинуть свою кандидатуру в президенты в 1994 году, но безуспешно (Дынько, 2000). Также следует отметить попытку создания обществом полесского литературного языка. В этом ключе соратники Н. Шеляговича рассматривали литературный язык как показатель «культурной зрелости» народа. В. Шнирельман (2000) говорит, что *«из всего культурного наследия особую ценность в глазах этнонационалистов имеют письменность и государственность, которые, по мнению многих из них, и делают народ “культурным”»*. Полесский язык не имел исторически утвержденной лингвистической кодификации. Согласно Эрнест Геллнеру, одним из необходимых условий создания нации является единая культура, которая обеспечивает доступ *«для всех и выступающей в качестве своеобразной общей валюты»* (Геллнер, 2002: 172). Таким образом, нация предполагает некий код, позволяющий соотносить объекты с собственной идентичностью. Чаще всего таким кодом выступает литературный язык, который скорее нивелирует региональные отличия, сводя их в единое лингвистическое поле.

Идеологи использовали исследования некоторых лингвистов, в том числе Христиана Станга, которые утверждали, что официальные документы раннего Великого Княжества Литовского конца XIV – начала XV веков составлялись в соответствии с характерными особенностями диалектных форм Полесья (Шевченко, 2008: 323). С точки зрения сторонников белорусского движения выделение языковых особенностей полесского региона, и тем более, признание его наследником официального языка ВКЛ являлось

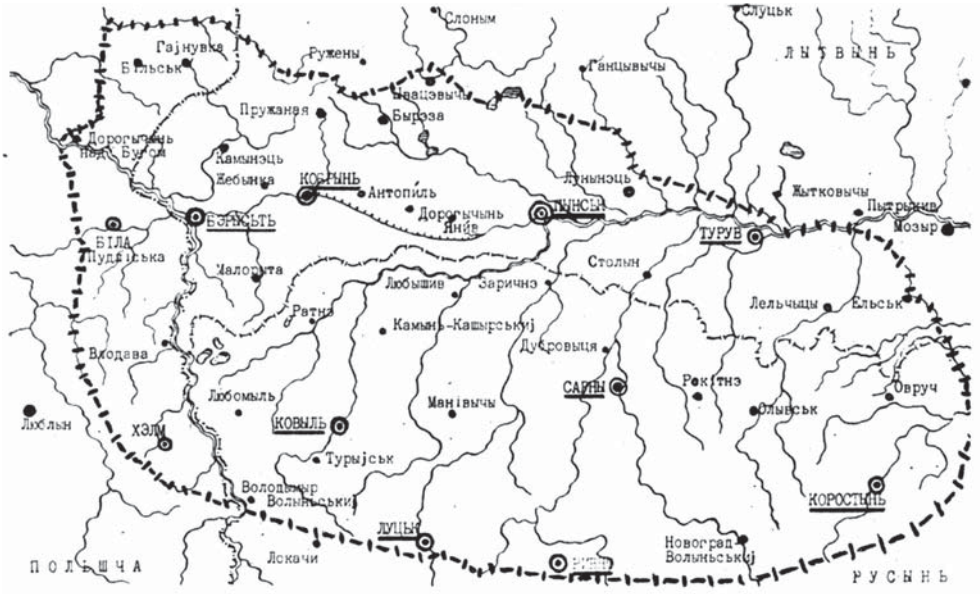

Рисунок 1. Карта ятвяжского этнолингвистического ареала («Jiтвejиj…, 1990: 1)

нежелательным, так как препятствовало бы созданию соответственного группового прошлого, которое объединило все этнические группы Беларуси в одну нацию.

Несмотря на то, что первые полесские буквари с попытками унификации местных диалектов издавались в 1861 (хотя их создание относится еще к 1812 году) и в 1906 годах (Шевченко, 2008: 323),[3] в среде низкой образованности и непрерывного воздействия иных культур, эти события не вызвали ажиотажа в среде местных элит. Однако подобные факты наличия письменной традиции и *«лингвистической преемственности»* использовались идеологами для обоснования необходимости создания литературного языка в настоящем. Потому основная работа по разработке норм полесского языка осуществлялась активистами движения в 1980-х годах, но так и не была закончена. Согласно проведенной «Полісьсем» конференции, в 1990 году в состав ятвяжского языкового ареала вошли брестско-пинские, северо- и центрально-волынские, бельско-бяло-хелмские диалекты *«и родственные им»* (Заключение…, 1990: 1). Последнее, весьма обобщенное определение подтверждает достаточно субъективное и четко неопределенное использование лингвистических признаков полесских диалектов в процессе их унификации в литературный язык. Территориальная локация причисляемых к ятвяжским диалектов была определена на карте "Jiтвjежиj (Поліськиj) этномовниj Орыал" (Рис. 1).

В создаваемом литературном языке отмечались недоработки и заимст-

[3] Лемантар, который упоминает Леон Василевский, 1917.

вования в терминологии из других восточнославянских языков. Проблему в разработке национального языка создавали высокое разнообразие полесских диалектов и сложность в их лингвистической унификации. Полесские идеологи стремились как можно больше удалить создаваемый язык от схожих черт с украинским и белорусским. В этом ключе рассматривалась возможность использования латинского алфавита, как предлагал издатель полесского словаря 1906 года Роман Скирмунт (Wasilewski, 1917), поскольку в начале века местная интеллигенция ощущала на себе польское влияние. Однако в 1980-е годы ситуация была совсем иной, Беларусь еще испытывала последствия советской аккультурации, потому предпочтение было отдано кириллице.

Следует отметить, что национальный язык – это результат интеллектуальной деятельности, направленной на унификацию лингвистических различий исследуемого региона. Потому его значение заключается не в наиболее исторически достоверном варианте, а в формировании единой традиции, способной непосредственно влиять на национальное самосознание.

Несмотря на то, что Н. Шелягович использовал теоретически верные принципы построения литературного языка: использование фонетического принципа, а также создание новых произведений, издание печатной периодики, язык оставался чуждым и непонятным для коренного населения, даже для тех регионов, чей диалект использовался в основе лингвистического конструирования. Причиной этому можно назвать приверженность идеологов *«ятвяжской»* теории, которая проявила себя и в выборе лексем, максимально удаляющих полесский язык от белорусского и украинского. Таким образом, создание литературного языка шло по принципу подбора и активного использования архаизмов и диалектизмов, которые отсутствовали в соседних языках. Естественно, некоторая искусственность полесского литературного языка вызвала бурную критику со стороны представителей белорусского национального движения.[4]

В 1988 году начинают издаваться газеты «Балесы Полiсься» («Голоса Полесья») и «Збудiнне» («Пробуждение»). Изначально газеты печатались в Вильнюсе, но с 1990 года «Збудiнне» начала выходить на территории Беларуси, в издательстве фабрики «Красная Звезда», тиражом около 8000 экземпляров (Збудiнне, 1990: 8). Данное издание являлось достаточно популярным в среде белорусской интеллигенции, и кроме исторической полесской концепции и печатания произведений различных авторов отражала также разнообразные аспекты современной жизни полешуков. В печатных изданиях публиковались не только историческая концепция полесского этноса, но и лексика литературного языка, алфавит в латинском и кириллическом вариантах, художественные произведения.

Для распространения нового языка в среде масс кроме печатных изданий был организован ежегодный фестиваль полесской песни «Етвызь» (1993–1995 года). Обязатель-

[4] Нил Гилевич, Евгений Цумаров, Олег Трусов (Дынько, 2000).

ным критерием отбора участников являлось исполнение произведений на полесском языке. Данное событие получило некоторое освещение в средствах массовой информации, и потому способствовало легитимизации нового языка.

Кроме того, обществом в 1990-м году в Пинске была проведена Западнополесская (Ятвяжская) научно-практическая конференция, результаты которой активно использовались в дальнейшей работе полесских идеологов. На конференции участники пришли к мнению, что право жителей Западного Полесья на этническую самоидентификацию должно быть официально утверждено. Что касается языка, то многие участники поддерживали появление нового восточнославянского языка, однако с акцентом именно на его славянское происхождение, в отличие от *«ятвяжского»* определения Н. Шеляговича. Выступая на конференции Василий Горбарчук (1990) отметил факт непринятия белорусской интеллигенцией идеи формирования литературного полесского языка, усмотревшей в данном процессе *«угрозу целостности, единству в их понимании белорусского народа»*. В свою очередь, Зигмас Зинкявичюс (1990) в своем докладе обвиняет белорусских идеологов в замене языка *«полешуков»*, на котором были написаны документы канцелярии ВКЛ, на старобелорусский, что, по мнению автора, *«является искусственным и неверным»* (Горбарчук и Зинкявичюс, 1990: 2).

В программе этнического возрождения Полесского края, представленной на конференции, планировались такие мероприятия, как создание Западнополесского просветительного центра в Пинске, введение спецкурсов по истории и культуре Полесья в учебные заведения, введение в школьную программу региона изучения диалектологии края и литературного ятвяжского языка (Программа…, 1990: 3).

Начало 1990-х годов было временем наибольшей активности полесского движения. В это время объединение сфокусировалось на ключевом элементе создания нации – конструировании истории.

Процесс конструирования истории является неотъемлемой частью национального строительства, память об общей истории выполняет важную объединяющую функцию, способную сплотить народные массы в единую нацию. Формулирование древних предпосылок национализма – является необходимым и характерным явлением любого национального движения. *«Обращение к истории придает национализму основательность и законность»* (Терешкович, 2005: 7).

В исторической традиции сложно найти признаки полесской государственности, местное население характеризовалось слабой этнической идентичностью, отсутствием представлений об общем политическом прошлом. Целью общества Н. Шеляговича стало конструирование новой истории, которая позволила бы полешукам самоидентифицироваться, и, что не менее важно, дистанцироваться от соседних славянских народов.

В поисках наибольших культурологических и этнических отличий от других восточнославянских народов полесские идеологи находили доста-

точно спорные решения. Ими была выдвинута теория балто-славянского происхождения полешуков. Согласно данному подходу в конструкт исторической интерпретации встраивались события, которые происходили на территории Полесья начиная со времен раннего средневековья и до наших дней. Причем история полесских идеологов во многом противоречила советской, белорусской и украинской версиям. Согласно концепции «Полісься» территории Поприпятья в первом тысячелетии нашей эры занимал славяно-балтский субстрат племен. Первое упоминание о ятвягах идеологи усматривают в «Повести временных лет», где в числе послов из Руси в Византию упоминается «Ятвяг Гунарев» (Етвызь, 1989а: 5). Данный факт, по мнению сторонников ятвяжской теории, позволяет говорить о наличии независимой государственности ятвяг, имевших политические связи с Киевской Русью. Несмотря на то, что факт в статье преподносится с определенной долей сомнения, вероятность столь древнего происхождения ятвяжской государственности должно было подтверждать право на государственность сегодня.

Также идеологи утверждали, что полесские земли сохраняли независимость вплоть до завоевания Владимиром Святославовичем в 983 году, затем ятвяги восстановили самостоятельность и удерживали ее до 1319 года. Будучи независимыми, ятвяги проявили себя как воинственный народ, который не только не поддавался иноземным вторжениям, но и сам вёл захватнические войны (*«самы зачынають нападать на сусідышны зэмлі, пырышкоджэють русынам и поляком контахтоваты по Прыпыті, Пыны, Буговы»*). Кроме того, желание жить независимо являлось, по мнению авторов, национальной чертой древних жителей Полесья. *«Jітвjегы, одважны j воёвнычы людэ, ныхотілы буты, кажучы зарышнию мовию, за колонію русынэj»* (Етвызь, 1989а, 5). Аналогичная информация встречается в этнографических исследованиях ученого Евдокима Романова (1911), который локализует племя ятвяг в конце первого тысячелетия нашей эры на территориях севернее Буга. Действительно, автор говорит об экспансивном поведении ятвяг, которые нападали как на русские племена, так и на поляков. Однако Е. Романов утверждает, что уже в X веке их земли были под властью Киевской Руси. А в результате конфликта с Болеславом Стыдливым в середине XIII века племя было уничтожено, а земли в течение нескольких веков была заселены мазовецкими и русскими поселенцами. Избирая нужную информацию из исторических интерпретаций различных исследователей,[5] полесские идеологи создали наиболее

[5] Работы Андрияшева А. М., Антоновича В. Б., Грекова Б. Д., Гринблата М. Я., Грицкевича А. П., Грушевского М. С., Гуревича Ф. Д., Дашкевича Н. П., Державина Н. С., Длугоша Я., Довнар-Запольского М. В., Ермоловича Н. И., Алексеюка Н. И., Любавского М. К., Лихачева Д. С., Лысенко П. Ф., Игнатовского В. М., Карского Е. Ф., Приселкова М. Д., Потебни А. А., Кухаренко Ю. В., Бича М. О., Седова В. В., Пашуто В. Т., Нидерле Л., Шафарика П., Шахматова А. А., Штыхова Г. В., Янчука Н. Я. и др.

комфортный вариант мифа о *«славном прошлом».*

Согласно триадной структуре риторики Мэтью Левингера и Паулы Франклин Литтл, исторические мифы играют ключевую роль в формировании политического напряжения и борьбы. *«Триадная структура разделена на 1) славное прошлое – идеализированное время, расцвет нации; 2) убогое настоящее, когда в результате травматических событий национальная идентичность деградировала; и 3) утопическое будущее – период, когда национальная идентичность будет снова восстановлена»* (Levinger and Lytle, 2001: 178). Таким образом, время существования локальных княжеств на территории Полесья рассматривалось объединением как период расцвета государственности. Настоящее же казалось неинтересным и не вписывающимся в желаемую действительность. Полесский этнос, при этом, рассматривался как уникальная этническая общность, которая, несмотря на длительное отсутствие государственности, сумела сохранить свои национальные черты. Таким образом, народ в мифе – это вневременное явление, чья сущность, «национальные черты» остаются неизменной в течение исторического развития. Подобное возвеличение прошлого способствует мифологизированному восприятию действительности и подразумевает, что «славное прошлое» предполагает такое же великое будущее.

Активисты полесского движения подчеркивали, что во времена Великого Княжества Литовского полесские княжества пользовались относительной автономией и далее развивали собственную культурную традицию, они также апеллировали ко мнению, что многие государственные тексты ВКЛ были написаны на «полесском языке». Кроме того, единое государство с литовским народом рассматривалось положительно, так как последний рассматривался этнически близким, братским народом ятвяг.

Периодом культурной сепарации обозначаются события, последовавшие за Люблинской унией 1569 года, когда территории Полесья были впервые разделены между Польским Королевством и ВКЛ. В это время велась активная политика ассимиляции, что коренным образом подорвало культурную целостность полесской общности.

Берестейская уния 1596 года наоборот рассматривается как период возрождения ятвяжской культуры, поскольку униатство, по мнению полесских идеологов, многое заимствовало от древней ятвяжской религии, а также использовало при богослужении родной язык прихожан. В статье «Lietuvos Kulturos Kongresas» проводится параллель между унией и «национальным возрождением» конца XX века – автор имеет ввиду деятельность ОКО Полісьсе (Lietuvos Kulturos Kongresas, 1990: 2).

Несмотря на то, что некоторые историки придерживались теории наличия балтского славянизированного этнического элемента на территории Полесья,[6] данная концепция не являлась традиционной и вызвала

[6] «Приходские списки», опубликованные М. Лебедкиным в 1861 году, дают достаточно разнородную картину народонаселения Западного Полесья, где в числе белару-

оживленные споры. Однако на первоначальном этапе конструирования истории соратники Н. Шеляговича отрицали всякую родственность ятвяг и славянских племен (Етвызь, 1989б: 6). Удаляясь от территориально близких и оказавших наибольшее культурное влияние украинского и беларусского этносов, идеологи относили ятвяг к балтским и кельстким племенам. Влияние славян изначально признавалось только в процессах лингвистической ассимиляции. При этом славяне считались пришлым народом на изначально ятвяжские территории. Таким образом, авторы подтверждали исконное право полешуков на владение данными территориями (Етвызь, 1989б: 6). Язык славян также определялся как *«сынтыз најпэрод трох мовных стыхиј – балцькиј, латынскиј і скыфськиј»* (Етвызь, 1989б: 6). При этом именно Полесье утверждается в качестве колыбели восточнославянских языков. По мнению Н. Шеляговича (1990), из Западного Полесья вышли все славянские языки. Таким образом, автором подчеркивается положение славянских народов в качестве *«дочерних»* этнических групп, которые позднее отселились на другие; тем самым свой этнос рассматривается по отношению к ним в качестве *«старшего брата»*, что, следовательно, *«позволяет ему претендовать на важные привилегии и делает эти претензии естественными и законными»* (Шнирельман, 2000).

В 1990-е годы политика памяти выстраивалась с учетом мобилизации балтских народов и их воссоединения в едином *«общеевропейском доме»* (Lietuvos Kulturos Kongresas, 1990: 2). Однако к середине 1990-х годов в связи с изменениями в политической обстановке региона полесские идеологи признали, что славяне все же ассимилировали население данных территорий. Кроме этнической ассимиляции, признавалась и религиозная аккультурация, так как, по мнению идеологов, славяне несли с собой православие, в то время как ятвяги были язычниками.

«В отсутствие же своей надстройки, ятвяги обречены на субъ-

сов и украинцев, встречаются такие этнонимы как «славяно-руссы», бужане, ятвяги (Терешкович, 2004: 89). Вероятно, на результатах публикации М. Лебедкина основываются и утверждения в статье «Вестника Западной России» о том, что русское население Северо-западного края по племенному составу состоит из беларусов, кривичей, древлян и 30 тысяч ятвяг (Вестник Западной Россіи, 1865: 387). Если возможность самоопределения местного населения как «бужан» может иметь место по причине локальной идентичности жителей поймы реки Буг, то явление ятвяг вызывает у историков наибольший скептицизм. Сомнение в достоверности сведений о существовании племени ятвяг высказывались П. Бобровским (Терешкович, 2004: 89), в Статистических таблицах (Статистические таблицы.., 1863). Теория существования ятвяг была более популярна в среде образованных кругов, интеллигенции и явилась результатом тенденции «возрождения средневековых племен» (Коряков, 2002) в XIX веке. На процессы самоидентификации людей, которые окончили несколько классов школы, мог оказать влияние учебник М. Павлищева, где широко рассматривается вопрос о ятвягах как предках жителей Западного Полесья (Терешкович, 2004: 89).

ективное бесправие не только в духовных, но и в политических, и в экономических процессах. В таком случае их роль: или отождествляться с соседними субъектами духовно-политико-экономической жизни – белорусами, поляками, русскими, украинцами, или оставаться базисным сырьем (трудовыми ресурсами) для любого, кто испытывает потребность в таком сырье» (Шелягович, 1990: 1). Таким образом, построение негативного отношения ко всем соседним славянским народам: беларусам, украинцам, русским и полякам – имело целью скорейшее сплочение национальной общности. Братскими народами объявляются балтские народы. Такое двухполярное понимание действительности, четкое позиционирование «друзей» и «врагов», также характерно для политического мифа, так как оно способствует активной мобилизации этноресурсов.

Следует отметить, что «ятвяжская теория» не вписывалась в традиционную славянскую идентичность полесского населения, и потому представляла сложность для быстрого массового усвоения. Тем более, что данная позиция являлась исторически спорной, и потому вызвала активную критику и некоторое недоверие как со стороны населения, так и со стороны интеллектуалов. По очевидным причинам позже полесские идеологи пришли к более традиционной теории ассимилированного славянами этнического субстрата, где ятвяги выступали его компонентом (Антонюк, 1995: 2). Так же изменилась и историческая трактовка осуществляемой политики Киевской Руси, акцент сместился с экспансивно-агрессивной деятельности государства, на ее федеративное устройство, которое некогда объединяло зарождающиеся славянские нации.

Если период принадлежности полесских земель к Российской империи воспринимался сторонниками полесской автономии аналогично беларусской версии – временем намеренной русификации, то понимание истории XX века отличается от общепринятой интерпретации. Так, например, возникновение в 1918 году Беларусской Народной Республики в условиях немецкой оккупации рассматривается как попытка «воссоздания» полесской государственности. Но в целом XX столетие характеризуется идеологами как время сильнейшей культурной ассимиляции со стороны соседних народов. *«Когда большинство территории края было в составе Польши, ятвягов преобразовывали в поляков, в годы гитлеровско-сталинской войны, когда северная и южная Етвязь была включена в западноукраинский комиссариат Германии, всех западных полешуков зачисляли в украинцев, в настоящее время южных ятвягов продолжают считать украинцами, а северных – усердно переделывают в белорусов»* (Шелягович, 1990: 1).

Полесское партизанское противостояние (1942–1944) лидеры «Полiсься» относили непосредственно к заслугам местного населения, в том числе движение под командованием Тараса Бульбы-Боровца, украинского националиста, лидера повстанческого движения Полеской Сечи. В своих мемуарах, которые публико-

вались в издании «Збудінне» (1990), атаман Полесской Сечи Бульба-Боровец писал о шести месяцах суверенной полесской автономии в 1941 году. Несмотря на постоянную борьбу, атаман характеризует данный период как время *«справжньої свободі і вільной творчості»,* когда публиковались региональные газеты, возрождались закрытые церкви, открывались общественные организации. Такое активное возрождение было спровоцировано освобождением Полесья *«з-під гніту серпа та молота й білого орла».* Полесские идеологи обвиняют историческую интерпретацию Украины в манипуляции памятью в отношении украинского характера противостояния Бульбы. Учитывался тот факт, что Бульба издавал местную газету «Гайдамак» на местном диалекте и сражался против немцев, советских партизан, а также против УПА (сторонников С. Бандеры) и Сб-ОУН(б) (Олевська республіка…, 6).

Таким образом, полесские идеологи в действительности произвели стереотипизацию прошлого и настоящего, утвердили основные постулаты, цели, определили «друзей» и «врагов». Следует отметить, что, несмотря на спорность многих фактических данных в сконструированной исторической концепции, ее создатели учли все необходимые элементы. Согласно Энтони Смиту, они включают следующие необходимые мифы:

1) миф происхождения во времени – согласно версии полесских идеологов, главной миссией ятвяг является сохранение своей уникальной культуры, древних традиций в среде индустриализированных культур. Причинами сохранения первозданности ятвяжской культуры становятся иррациональные, мистические силы, а также периферийное местоположение этноса. *«Борьба между государствами и религиями за край и его жителей в значительной степени ослабляла ассимиляционные процессы, деэтнизацию»* (Lietuvos Kulturos Kongresas, 1990: 3);

2) миф происхождения в пространстве – согласно мифу, территория Полесья изначально была заселена ятвягами, и потому они обладают первоочередным правом на ее полноправное владение – так называемый *«миф об автохтонности».* Славяне объявляются пришлым народом;

3) миф о предках – ранняя история ятвяг характеризует предков как *«одважных ј воёвнычых»,* способных отстоять собственную независимость. Кроме того, факт существования этноса еще в 944 году зафиксирован в признанном историческом источнике «Повести временных лет»;

4) миф автохтонности – опять же главным достоинством ятвяг является их перманентное проживание на исконных землях своих предков;

5) миф освобождения – в 1015 году после непродолжительного подчинения Киевской Руси ятвяги отвоевывают свою свободу. И далее ведут междоусобные войны с киевскими князьями за собственную независимость (Етвызь, 1989a: 5);

6) миф «золотого века» – период наибольшей самостоятельности, а также экспансивной деятельности в период до 1319 года. Данный миф рисует не только желаемую дей-

ствительность, но и образ верного поведения для повторения успехов своих предков в будущем;

7) миф упадка – Люблинская уния 1659 года, период сепарации;

8) миф возрождения – в религиозной области таким возрождением была Брестская уния, в политическом плане идеологи считали возрождением полесской независимости деятельность самого объединения (Smith, 1986: 192).

Согласно В. Шнирельману этнополитический миф должен отражать:

1) обретение родины – в случае ятвягов их территориальная претензия основывается на первенстве заселения Полесского региона;

2) формирование и расцвет собственной государственности – начиная с упоминания в «Повести временных лет», ятвяги характеризуются как независимый народ, который в ранних версиях имел собственную государственность, в более поздних версиях входил в состав Киевской Руси как автономное образование;

3) великие завоевания – наиболее активно экспансивная деятельность ятвягов описывается в ранних версиях полесского исторического нарратива;

4) катастрофу, прервавшую поступательное развитие этноса, – первой катастрофой стала Люблинская уния 1569 года.

Несмотря на теоретически верно сконструированную концепцию полесского этноса, предлагаемые интеллектуальными кругами национальные концепции не нашли широкого одобрения. Сложности, которые встретило полесское движение, как мне кажется, заключаются в отсутствии устойчивой национальной традиции, исторически существовавших прототипов полесского этнического национализма. И потому объединение было вынуждено выстраивать собственную культурную концепцию данного этноса, используя теоретические знания и свое видение феномена полесской нации. Необходимо учитывать, что осознанные обществом культурные отличия и «мифы о происхождении» являются важными аспектами консолидации этноса и формирования национальной идентичности. *«Миф о прошлом призван воспитать в людях самоуважение, сплотить их и наделить творческой энергией преодоления кризиса»* (Шнирельман, 2000). Поэтому идеологической задачей полесского возрождения являлось конструирование новой исторической идентичности, которая сможет заместить память о неопределенном и неосознаваемом прошлом. Потому как *«идентичность субъектов может быть изображена только с помощью их историй»* (Люббе, 1994: 111).

Основным и значимым отличием полесской этнической общности было избрано балтское происхождение, что существенно дистанцировало его культуру от соседних восточнославянских народов. Однако следует отметить достаточную гибкость полесского национального конструкта: дальнейшую перестройку теории «ятвягов» к более славянизированному варианту этнической принадлежности полешуков.

С проведением референдума в 1995 году и с изменением политической обстановки в стране деятельность Н. Шеляговича и его соратников

постепенно сворачивается. Последние годы своей деятельности (1993–1995) полесское объединение поддерживало политику, направленную на сотрудничество с Россией в рамках общеславянского развития и противостоящую беларусскому национализму.

Согласно классификации Мирослава Гроха, полесское национальное движение преодолело фазу А и завершилось на фазе Б (Грох, 2002: 127). То есть первоначальная ступень развития заключалась в создании кругом интеллектуалов под руководством Н. Шеляговича теоретической основы национального проекта: конструирование исторического прошлого, унификация литературного полесского языка. Однако на этапе национальной агитации деятельность «Полісься» не получила массовой поддержки населения, и потому оно постепенно снизило свою активность.

Со времен независимой государственности посткоммунистических стран территория Полесья[7] разделена между Беларусью, Украиной и Польшей. Конечно, сегодня регион не может претендовать на политическую независимость. Несмотря на то, что целью полесских национальных движений являлось достижение признания и прав этнического меньшинства, в политике восточноевропейских государств не произошло видимых изменений в отношении полесского региона.

В заключение следует сказать, что возникновение национального движения на Полесье, на наш взгляд, является результатом общей тенденции в Восточной Европе. Распад СССР стал начальной стадией *«формирования потенциальных “новых народов”, стремящихся консолидироваться в условиях современной Восточной Европы»* (Шевченко 2008: 322).

Длительная географическая изолированность региона стала причиной сохранения более архаичных форм культуры и языка, чем на сопредельных территориях. Вплоть до конца XIX века у населения Полесья был слабый контакт не только с соседними этническими группами, но и между локальными общностями. Технологии осушения заболоченных мест значительно обеднили почву, что в итоге привело к кризису традиционных форм потребления и поиску иных способов пропитания. В результате снизилась изолированность региона, появился доступ к соседним территориям, которые к тому времени ушли от традиционных форм экономической организации. Разительные отличия между укладом жизни полешуков и жителей пограничных территорий, их зажиточность привели к формированию негативного, отсталого образа первого и, в итоге, к отрицанию собственной культурной специфики. Отторжение собственной культуры полешуками не способствовало формированию национального самосознания, что позволило включить территории региона в состав иных этнических групп. Потому для своей

[7] Географически на сегодняшний день Полесье можно определить в пределах условной линии городов Ратно – Иваново – Береза – Ивацевичи – Ганцевичи – Старобин – Птичь – Мозырь – Ельск – Словечно – Олевск – Сарны – Костополь – Ковель (Бондарчик; Браим и Бураковская, 1988: 29).

национальной концепции идеологи общественно-культурного объединения “Полісьсе” избрали совершенно отличный образ полешуков-ятвягов, который должен был способствовать созданию новой идентичности. Причиной тому является тот факт, что в гомогенной среде восточнославянских народов основным отличием национальных проектов является трудное дистанцирование от недавних соседей, претендующих на серьезное политическое влияние и единую историю.

Созданный общественно-культурным объединением «Полісьсе» этнополитический миф представлял собой комплексный и теоретически разработанный конструкт, который кардинально противоречил ранее усвоенным нарративам. Целью его создания было доказательство правомерности претензий активистов нового национального движения, обоснованности их действий. Несмотря на широкий инструментальный ряд: фестивали, печатные издания, научная конференция, политическая активность, миф не смог соответствовать статусу *«истинного представления о событиях прошлого, настоящего и будущего»* (Флад, 2004: 41) и потому не был воспринят целевой аудиторией. В процессе создания этнического мифа должны учитываться общественное и психологическое настроения масс, межнациональные/межэтнические отношения, уровень самосознания, образованности и религиозности населения. Тем не менее следует отметить, что укоренение мифа, как и его содержание, во многом непредсказуемы, эти феномены сложно прогнозировать и связывать с какими-либо устойчивыми признаками.

Кроме чужеродности сконструированного полесскими националистами нарратива, к причинам национальной апатии населения Полесья можно отнести и социальные предпосылки, а также активное распространение соседних легитимных национальных идентичностей (украинской и беларусской), что не позволило сформировать более или менее устойчивое самосознание у полешуков. Однако, несмотря на значительное экономическое выравнивание региона, снижение культурной разницы с соседями и присвоение «паспортной идентичности», и на сегодняшний день Полесье обладает выраженной спецификой, отличающей его от соседей.

Литература

1. Антонюк, Георгий (1995). “Западные полешуки: их путь во всемирной истории”, *Збудінне,* №1/85: 2.
2. Бандарчык, Васіль і Церашковіч, Павел (1985). “Фарміраванне і развіцце беларускай нацыі”, *Этнаграфія беларусаў:* 151–166.
3. Бауман, Зигмунт (2002). “Идентичность в глобализирующемся мире”, *Индивидуализированное общество*: 1–11.
4. Бондарчик, Василий и Браим Иван (1988). *Полесье. Материальная культура.* Киев: Наукова думка.

5. Бурдье, Пьер (1994). “Социальное пространство и символическая власть”, Начала. URL (доступ 11.05.2012): http://moodle.ehu.lt/mod/resource/view.php?id=7187
6. Геллнер, Эрнест (2002). “Пришествие национализма. Мифы нации и класса”, *Нации и национализм:* 146–200.
7. Горбарчук, Василий и Зинкявичюс, Зигмас (1990). *“Цитаты из тезисов”*, *Збудiнне,* №5: 2.
8. Грох, Мирослав (2002). “От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе”, *Нации и национализм:* 121–145.
9. Дынько, Андрэй (2000). “Найноўшая гісторыя яцвягаў”, *Arche*, №6: 3–15. http://arche.bymedia.net/6-2000/dynko600.html 2
10. “Етвызь” (1989а). *Балесы Полiсься,* №1/5: 5.
11. “Етвызь” (1989б). *Балесы Полiсься,* №4/6: 6.
12. “Заключение Западнополесской (Ятвяжской) научно-практической конференции” (1990). *Збудiнне*, №4(9): 1–2.
13. *Збудiнне* (1990). №13(18): 1–8.
14. “Зворит Другого Валного Звору ГКЗ «Полiсьсе» до Плiнума ЦК КПСС по плымнiцкому патыннёвы” (1989). *Балесы Полiсься,* №3/7: 1.
15. Корниенко, Татьяна (2010). “Сущность и структура политического мифа”, *Власть:* 50–56.
16. Коряков, Юрий (2002). *Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций.* Дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19.
17. Люббе, Герман (1994). “Историческая идентичность”, *Вопросы философии.* №4: 108–113.
18. Міхалюк, Дарота (2011). “Спрэчка адносна Палесься і спроба вызначэньня дзяржаўнай мяжы паміж БНР і УНР вясной 1918 г.”, *Arche* №3: 329–355.
19. “Наличное население обоего пола по уѢздамъ, съ указаiемъ числа лицъ преобладающихъ родныхъ языковъ”. *Первая Всеобщая перепись населения Российской имперiи 1897 г.* (1905). Вып. 7. URL (доступ 06.03.2013): www.knigafund.ru/books
20. “Населенiе сѢверо-западного края” (1865). *ВѢстникъ Западной Россiи.* Т. 3. Вильна.
21. Нодия, Гия (1997). “Национализм и демократия”, *Русский Журнал.* URL (доступ 07.01.2013): http://old.russ.ru/antolog/predely/4/dem1-1.htm
22. “Олевська республіка. З мемуарів отамана Поліської Січі Тараса Бульби-Боровца”, *Збудiнне,* №12/17: 6.
23. “Полiська ыдия” (1990). *Збудiнне,* №10(15): 1.
24. “Программа ОКО «Полiсье»” (1990). *Збудiнне,* №5: 3–4.
25. Романов, Евдоким (1911). *Материалы по этнографии Гродненской губернии. По поручению Виленского учебного округа.* URL (доступ 30.08.2012): http://by.ethnology.ru/by_lib/rmnv_01/graf/rmnv_01_cont.html
26. *Статистические таблицы Российской империи. Наличное население за 1858 год* (1863). Спб. URL (доступ 06 марта 2013): www.knigafund.ru/books/25929
27. Терешкович, Павел (2005). “Конструируя прошлое: Исторические ресурсы современных национально-государственных идеологий (Украина и Молдова)”, *Перекрестки,* №1–2: 5–20.
28. Терешкович, Павел (2004). *Этническая история Беларуси XIX – нач. XX в. в контексте Центрально-Восточной Европы.* Минск: БГУ.
29. Тишков, Валерий (2012). “Этнос или этничность?”, *Институт Этнологии и Антропологии РАН.* URL (доступ 10.05.2012): www.valerytishkov.ru
30. *Три Полесья. Совместная стратегия охраны и экологического использования природного наследия территории белорусско-польско-украинского пограничья.* (2009).

31. Флад, Кристофер (2004). *Политический миф. Теоретическое исследование.* Москва.
32. Церашковіч, Павел (1994). “Рэгіяналізм на Беларусі: заходне-паслескі (ятвяжскі) этнапалітычны феномен”, *Посттаталітарнае грамадства: чалавек і нацыя. Матэрыялы дакладаў міжнароднага сімпозіўма.* Мінск.
33. Церашковіч, Павел (1997). “Палескі рэгіяналізм у святле сацыялогіі. Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу”. Частка 1, *Беларусіка Albaruthenika*: 119–122.
34. Цыхун, Генадзь (2010). *“Пра заходнепалесскую літаратурную мікрамову (Праект М. Шэляговіча)”.* URL (доступ 17.01.2012): http://mowaznaustwa.ru/2010/09/26/g-a-cyxun-pra-zaxodnepaleskuyu-litaraturnuyu-mikramovu-praekt-m-shelyagovicha
35. Шевченко, Кирилл (2008). “Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии”, *Белоруссия и Украина: История и культура.* Ежегодник 2005/2006: 318–342.
36. Шелягович, Микола (1990). “Ятвяжская Национальная партия”, *Збудінне,* №7: 1.
37. Шнирельман, Виктор (2000). “Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика”, *Реальность этнических мифов.* URL (доступ 19.06.2012): http://nationalism.org/library/science/nationalism/reality/reality-of-ethnic-myths.pdf
38. “Ятвяжско-Прусское Возрождение и Развитие” (2010). *Калининградская региональная общественная организация «Етвызь».* URL (доступ 12.05.2014): http://jetvyz.narod.ru/m10.html
39. Anderson, Benedict (1991). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* Revised Edition. London – New – York.
40. *Arche.* (2011). “Палесьсе”. №3: 1–488.
41. Eriksen, Thomas Hylland (1993). *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives.* London.
42. “Jітвеjиj (Поліськиj) этномовниj Орыал” (1990). *Збудінне,* №3(8): 1.
43. Levinger, Matthew and Paula F. Lytle (2001). “Myth and mobilization: the triadic structure of Nationalist Rhetoric”, *Nations and Nationalism.* Vol. 7, Part 2: 175–194.
44. “Lietuvos Kulturos Kongresas” (1990). *Збудінне,* №6: 2–3.
45. Smith, Anthony D. (1986). *The Ethnic Origins of Nations.* Oxford.
46. Trimble, Joseph E. and Dickson, Ryan. *Ethnic Identity.* Western Washington University in C. B. Fisher & Lerner, R. M. (Eds.; in press), Applied developmental science: An encyclopedia of research, policies, and programs. Thousand Oaks: Sage. URL (доступ 20.06.2012): http://pandora.cii.wwu.edu/trimble/research_themes/ethnicity_identity.html
47. Wasilewski, Leon. (1917). *Kresy Wschodnie.* Warszawa.